

Сун Дуань неоднократно обращался за утешением к Эли, который терпеливо отвечал ему снова и снова, пока тот не заснул глубоким сном на его спине.

Празднество племени давно закончилось. Зерги развалились на земле, лениво купаясь в лунном свете.

Эли аккуратно уложил Сун Дуаня на мягкую траву, не сводя с него глаз, и прилёг рядом.

На лице Сун Дуаня ещё виднелись следы слёз, но он инстинктивно придвинулся к Эли, следуя за теплом.

Эли кончиками пальцев стёр остатки влаги.

«Я не знаю, как долго я проживу, но пока я жив, я не брошу тебя и не заставлю ждать напрасно».

Эли не замечал, насколько нежным был его взгляд.

Сун Дуань прибыл в лучшее время года — в сезон обильного урожая. Растения ломились от плодов, животные нагуливали жир к зиме, становясь упитанными. Перелётные птицы отращивали крылья и тренировались летать над водой и всех их было легко поймать.

За это время Сун Дуань поел фруктов, в которых косточки занимали половину мякоти, а также дикого винограда, который был кислым, мелким и вяжущим, оставляя на его руках фиолетовые пятна, которые невозможно было смыть. Он пробовал современные фрукты, которые были сладкими и сочными, и обнаружил, что примитивные плоды этого общества не идут ни в какое сравнение. И все же это тело находило их восхитительными. В современном мире конфеты были повсюду, но здесь это была редкая роскошь, которой можно было наслаждаться лишь несколько раз в год.

Он и представить себе не мог, насколько редкими и ценными были те вещи, которые он считал само собой разумеющимися в своей жизни, в древние времена и у первобытных зергов.

Таким образом, когда Сун Дуань обнаружил, что его ежедневный рацион включает в себя жареную, почерневшую саранчу, очищенных мышей, неочищенных улиток и даже гигантских гекконов (которых Сун Дуань называл только гекконами), он мог смеяться и болтать с окружающими, спокойно поедая их.

Однажды, собирая пищу на пожухлых лугах с Ци, он нашёл несколько крупных яиц с твердой скорлупой и мраморным узором. На обратном пути Сун Дуань не мог удержаться от смеха, узнав от старших самцов, что зима - неподходящее время для выращивания детенышей. Он не мог понять, какое животное могло откладывать яйца в такое время года (он ещё не знал о специфических биологических особенностях).

Жизнь в логове была стабильной.

Как-то самки принесли с охоты волчицу. Эли достал из-за пазухи волчонка и отдал Сун Дуаню для забавы. Детеныш был еще жив, его глазки едва открывались, это был маленький пушистый комочек, в котором не было агрессии, и он покусывал пальцы своими беззубыми деснами.

Крошка прожил недолго. Он был слишком мал и умел только пить молоко, слабо хныча от голода.

У Сун Дуаня не было молока, чтобы накормить волчонка, поэтому он мог дать ему только немного рисового супа. На следующее утро маленький волчонок, который когда-то был мягким, окоченел и стал завтраком для племени, частью еды в глиняном горшке.

Сун Дуань спрятался в углу, тихо плача. Запах мяса манил, но вина не утихала.

Он никогда не видел смерти живого существа.

Эли сел рядом, протянув каменную миску, которую Сун Дуань отверг. Эли не понимал причин грусти, зная лишь: чтобы дожить до следующей еды — надо есть.

Сун Дуань был ещё молод. Большая семья была дружной, но здоровой.

Жить сегодняшним днём — норма примитивных зергов. Это был способ выживания, к которому Эли привык с детства.

Никто не мог быть уверен, что зерг, который только что сидел и смеялся рядом с ними, в следующий момент не станет обедом для другого зверя.

Это была эпоха кровавой охоты и тех, на кого охотились, совсем не похожая на города цивилизации, созданные народом зергов тридцать тысяч лет спустя, где зерги могли жить безопасно и комфортно, наслаждаясь жизнью в свое удовольствие.

В этом обществе достижение 40-летнего возраста было роскошью.

Охотничьи обязанности самок подвергали их большому риску гибели. Самцы должны были следить за тем, чтобы самки могли безопасно откладывать яйца в течение четырех месяцев беременности.

Но один самец в одиночку не смог бы справиться со всем процессом высиживания, он мог бы в конечном итоге потерять хрупких детенышей. Самцы полагались на опыт старших самцов в племени и помощь других самцов, чтобы справиться с трудностями.

Первобытная жизнь была очень простой — жить ради того, чтобы поесть в следующий раз, спать, чтобы встретить следующий рассвет. Зерги часто играли, пели, танцевали, мастерили простые инструменты из костей животных и создавали самые распространенные песни региона, наигрывая странные мелодии горлом.

Радостные будни притупили страх смерти Сун Дуаня.

Первобытные зерги стали безразличны к смерти. Они уводили умирающих товарищей в самую глубокую часть пещеры, где однажды побывал Сун Дуань, укладывали их на мягкие меха, оставляли немного еды и уходили. Если они выздоровеют, то вернуться в племя и продолжат жить вместе со всеми. Если нет, то это был их конец.

Сун Дуань помнил самца, который съел ядовитый фрукт во время поиска пищи, у него были судороги и пена изо рта.

Вождь Ли и несколько других представителей племени опустились на колени и погладили его по лбу, приговаривая:

— Обрети покой с Оресом, — а затем посыпали его землей и забрали его сумку, как ни в чем не бывало, продолжая искать еду и болтать.

Когда яйцо зергов в пещере вылупилось, на свет появились маленькие детеныши, и маленький детеныш был таким энергичным, что его крики каждую ночь были невыносимыми, и отцу приходилось без устали ходить взад и вперед, чтобы успокоить его.

В течение двух дней, когда у малыша не было еды, он хрипло плакал, и отец не мог его успокоить. Его крики раздражали и без того сердитую самку, которая подошла, схватила грязное пеленальное полотно и бросила его на землю. Малыш был еще жив, мяукая как котёнок, но в конце концов был убит руками самки.

Результат шестимесячного высиживания уничтожен мгновенно.

Однако самец не выказал ни малейшего признака грусти. На его лице отразилось только чувство «наконец-то я почувствовал облегчение».

Сун Дуань, видевший это, ощутил странное спокойствие.

Этот мир, столь привычный к смерти и убийствам, наводил ужас.

Самым страшным было то, что его собственная кровь тоже похолодела.

Примечание автора:

Современные фрукты были выборочно выращены нашими предками на протяжении многих поколений.

В примитивных обществах детоубийство не требовало причин — иногда достаточно было «слишком громкого плача».

<http://bllate.org/book/13985/1229545>